

ПРАКТИКУМ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН (1870—1938)

«Куприн — настоящий художник, громадный талант. Поднимает вопросы жизни более глубокие, чем у его собратьев — Андреева, Арцыбашева и прочих... Но нет чувства меры. Знание и любовь развращенной городской среды...»

Л. Н. Толстой, 1910

«Бывало, в раннем детстве вернешься назад после долгих летних каникул в пансион. Все серо, казарменно, пахнет свежей масляной краской и мастикой, товарищи грубы, начальство недоброжелательно. Пока день — еще крепишься кое-как, хотя сердце — нет-нет — и сожмется внезапно от тоски. Занимают встречи, поражают перемены в лицах, оглушают шум и движение.

Но когда настанет вечер и возня в полутемной спальне уляжется, — о, какая нестерпимая скорбь, какое отчаяние овладевают маленькой душой! Грызешь подушку, подавляя рыдания, шепчешь милые имена и плачешь, плачешь жаркими слезами, и знаешь, что никогда не насытишь ими своего горя».

А. И. Куприн. Памяти Чехова, 1904

«В обширном литературном наследии Куприна, необычайно пестром и неравноценном, оригинальное, купринское, что принес с собой писатель, как будто лежит на поверхности. „Его всегда спасает инстинкт природного здорового дарования... Неисправимый органический оптимист“ (Н. Кадмий-Абрамович); „Особенное жизненное здоровье, физиологическое равновесие очень трезвого и очень одаренного человека, который любит жизнь и умеет находиться с ней в дружеских отношениях“ (М. Шагинян); „А. И. Куприн-художник влечется душой

к радостному лозунгу: „Да здравствует жизнь!“ <...> Бодрая, жизнерадостная эпоха девятисотых годов осенила его творчество своими радостными крыльями“ (В. Львов-Рогачевский). Такие характеристики современной Куприну критики, бесспорно, имели под собой немалые основания. Через все его творчество проходит гимн природе, ее здоровым проявлениям.

Отсюда тяга Куприна к цельным, простым и сильным натурам. Борец Арбузов, спокойный и добрый гигант („В цирке“, 1902); бесстрашный конокрад Бузыга, у которого „все ребра срослись до самого пупа“ („Конокрады“, 1903); отважный атаман рыбацкого баркаса Коля Костанди, „настоящий соленый грек, отличный моряк и большой пьяница“ („Листригоны“, 1907—1911) — с веселым хладнокровием любит Куприн этими отважными людьми, как любит он серебристо-стальным красавцем, четырехлетним жеребцом Изумрудом, у которого ноги и тело „безупречные, совершенных форм“ („Изумруд“, 1907), или прекрасной рыжекудрой Суламифью, „высокой и стройной, в сильном расцвете тринадцати лет“ („Суламифь“, 1908). <...>

Однако бросается в глаза странное противоречие. Те сильные, здоровые жизнелюбцы, к которым писатель вроде бы так близок по характеру своей личности, в его произведениях оттеснены на „периферию“, преимущественное же внимание уделено героям, не имеющим с ними ровно ничего общего. Вот они перед нами — персонажи, которым Куприн доверяет все свои самые заветные помыслы, собственный взгляд на вещи, которые разделяют его сокровенные мысли, радости, страдания, — подпоручик Козловский, чувствительный, сотрясающийся от рыданий, „точно плачущая женщина“, при виде истязуемого солдата-татарина (ранний рассказ „Дознание“); инженер Бобров, наделенный „нежной, почти женственной натурой“ („Молох“, 1896); „стыдливый, очень чувствительный“ Лапшин („Прапорщик армейский“, 1897); „добрый“, но „слабый“ Иван Тимофеевич („Олеся“, 1898); „чистый, милый“, но „слабый“ и „жалкий“ подпоручик Ромашов („Поединок“, 1905). Где уж тут „неисправимый оптимизм“, „особенное жизненное здоровье“, „радостный лозунг „Да здравствует жизнь!“? <...>

О каждом из центральных персонажей можно сказать словами писателя об инженере Боброве из „Молоха“: „Его нежная, почти женственная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности“. Своей незащитной ранимостью, своей способностью болезненно остро переживать любую несправедливость, тонкостью душевной организации они напоминают нам не жизнерадостного и грубовато-здорового „взрослого“ Куприна, а чуткого к страданию, мечтательного Куприна-ребенка, заточенного в казарменные стены». *О. Михайлов. Страницы русского реализма, 1982*

Познакомьтесь с биографией Куприна, который тринадцать лет провел в закрытых учебных заведениях: сперва Александровское сиротское училище, затем Вторая московская военная гимназия, вскоре преобразованная в кадетский корпус, и, наконец, Третье Александровское юнкерское училище. Можно ли сказать, что детские и юношеские годы Куприна дают материал для отыскания истоков его характерных особенностей как художника? Вправе ли мы утверждать, что «художественный нерв» Куприна скрыт в его «проходных» героях — инженере Боброве («Молох»), Иване Тимофеевиче («Олеся»), подпоручике Ромашове («Поединок»)?

«Олеся» (1898)

«— Через месяц Константин Петрович (Пятницкий, директор-распорядитель издательства „Знание“) обещает выпустить ваш первый том. Отчего вы не включили в него „Олесю“?»

— Видите ли, Алексей Максимович, это моя ранняя, еще незрелая вещь. „Наивная романтика“ — как сказал Антон Павлович. Я сначала колебался, а потом согласился с его мнением.

— Напрасно согласились. Первая книга — первая ступень творческого развития писателя. Он еще молод, а молодость должна быть немного наивной и романтической. „Олеся“ войдет в ваш второй том, я буду на этом настаивать.

Перед моим уходом Горький вернулся к вчерашнему разговору об „Олесе“ и опять сожалел, что она не вошла в первый том.

— Эта вещь нравится мне тем, что она вся проникнута настроением молодости. Ведь если бы вы писали ее теперь, то написали бы даже лучше, но той непосредственности в ней уже не было бы, — сказал Горький.

Мнения Алексея Максимовича об „Олесе“ и Чехова совершенно различны. И вот, Маша, я не знаю, кому же мне верить. Конечно, мне приятнее, когда меня хвалят, — засмеялся Александр Иванович. — Но ведь прав и Антон Павлович, который считает эту вещь слабой и указывал мне, что загадочное прошлое старухи-колдуньи и таинственное происхождение Олеси — прием бульварного романа. Недаром в свое время вернуло мне эту повесть „Русское богатство“, и даже Михайловский не нашел нужным высказать о ней свое мнение».

М. К. Куприна-Иорданская. Годы молодости, 1907

«Первым большим произведением, которое Куприн посвятил любви, женщине и ее чарам, надобно считать, по-видимому, повесть „Олеся“. <...> Не характерно ли для нашего художника-реалиста, что первой дамой его сердца (в повести, конечно) была волшебница? Да, самая настоящая волшебница, даже, попросту говоря, киевская ведьма, которую мужики сначала выжили из деревни в лес, а потом и из лесу прогнали, чтоб ее духом проклятым вовсе не пахло.

Женщины последующих произведений Куприна чародейством не занимаются, на картах не гадают, кровь не заговаривают, но все они выходят у него... какими-то „непроницаемыми“. На всех на них лежит печать какой-то волнующей таинственности, которая сближает и роднит их с прелестной малороссийской колдуньей».

Вл. Кранихфельд. Поэт радостной случайности, 1908

«Поскольку у Куприна изображаются картины современной „порочной и уродливой“ жизни, его внимание больше всего привлекает мир людей, стоящих, в силу своего образа жизни, в силу своих антиобщественных инстинктов, вне общества. <...> Это — счастливые дети природы, — счастливые, ибо у них есть свобода и та детская близость к природе, о которой так мечтают утомленные культурными узами современные художники — страстные охотники („Лесная глушь“, „На глухарей“, „Олеся“»).

П. Орловский (В. В. Воровский). Из истории новейшего романа (Горький, Куприн, Андреев), 1910

«Романтическое поклонение женщине, рыцарское служение ей противостояло в произведениях Куприна циничному глумлению над чувством, живописанию разврата, который под видом освобождения человека от мещанских условностей проповедовали в годы общественной реакции такие писатели, как Арцыбашев или Анатолий Каменский. Но в целомудрии купринских героев есть что-то надрывное, а в их отношении к любимой поражает одна знаменательная аномалия. „Роман наш, — сообщает подруге хищная кокетка Кэт („Прапорщик армейский“), — вышел очень простым и в то же время оригинальным. Оригинален он потому, что в нем мужчина и женщина поменялись своими постоянными ролями. Я нападала, он защищался“. Поменялись ролями и энергичная, волевая „полесская колдунья“ Олеся с „добрым, но только слабым“ Иваном Тимофеевичем („Олеся“) и умная, расчетливая Шурочка Николаева с „чистым и добрым“ Ромашовым („Поединок“). Неверие в себя, в свое право на обладание женщиной, постоянное судорожное желание замкнуться — эти черты дорисовывают тип купринского героя с хрупкой душой, брошенного в яростный мир».

О. Михайлов. Страницы русского реализма, 1982

«Так, композиционно безукоризненно сделана повесть „Олеся“. Куприн дает твердый, последовательно развивающийся сюжет. Сцены строго очерчены, и каждая из них двигает действие вперед. <...>

Композиционно повесть „Олеся“ построена так, что картины жизни и картины самостоятельно изображенной природы связаны в единый поток, с целью глубоко затронуть душу читателя. Так, зимний пейзаж в лесу дан вместе со сценой охоты,

что создает контраст скупающему настроению героя. После встречи с Олесей дана картина бурной весны. Объяснение в любви сопровождается описанием лунной ночи. После последнего свидания героя с Олесей дана картина предгрозовой напряженности природы».

А. Дынник. А. И. Куприн. Очерк жизни и творчества, 1969

Задание 2

Почему Горький, в отличие от Чехова, высоко оценил повесть «Олеся»? Какое значение в повести имеет элемент загадочного, таинственного, колдовского? И кого можно назвать более суеверными — Олесю и старую Мануйлиху или полесских сельчан? Кто побеждает в этой драме любви и какая роль уготована Куприным Олесе и Ивану Тимофеевичу? Какую роль в композиции повести играют картины природы? Вправе ли мы сказать, что в «Олесе» отразилась одна из центральных проблем литературы уже нового века — стремление «испорченного» цивилизацией человека быть ближе к природе, ее живительным силам и невозможность в условиях своекорыстного мира осуществления этой идиллии?

«Поединок» (1905)

«Сила „Поединка“ — в превосходном знании армейской среды и в точности ее изображения. Портретная галерея офицеров в „Поединке“ вызывает и стыд за человека, и спасительный гнев.

Шкала унижения в армии шла по нисходящей линии: генерал грубо и пренебрежительно обращался с командиром полка, командир в свою очередь „дукал“, как тогда говорили, офицеров, а офицеры — солдат. Всю злобу мелких неудачников, всю житейскую муть, жгущую сердце, офицеры срывали на солдатах.

Почти все офицеры в „Поединке“ — это скопище ничтожеств, тупиц, пьяниц, трусливых карьеристов и невежд, для которых Пушкин был только „какой-то там шпак“.

Они начисто оторваны от народа. Они варятся в грязноватом и нудном быту. Их сознательно превратили в касту с ее спесью, с ее ни на чем не основанном представлении о своей исключительной роли в жизни страны, о „чести мундира“».

К. Паустовский. Поток жизни. Заметки о прозе Куприна, 1957

«Говорили о „Поединке“. Лев Николаевич сказал, что со многих сторон слышал, что его хвалят.

— И как все военные „Поединком“ довольны! — сказал И. К. Дитерихс. — Да, превосходный рассказ, но одни отрицательные типы выведены.

— Полковой командир — прекрасный положительный тип, — возразил Лев Николаевич. — Какая смелость! И как это цензура пропустила, и как не протестуют военные? Пишет, что молодой офицер мечтает о том, чтобы, во-первых, метить

вверх, если придется стрелять в народ, во-вторых — пойти шпионом-шарманщиком в Германию, в-третьих — отличиться на войне. <...>

Потом опять читал Лев Николаевич — про смотр полка. Читал с воодушевлением, как будто бы сам был молодым офицером. Когда читал о том, как перед самым смотром солдаты должны были готовиться к нему и как начальники били их, — почти плакал от жалости к ним. Татьяна Львовна сказала, что, наверное, так и есть, как он описывает.

— Наверно, наверно, — согласился Лев Николаевич.

Докончив главу, Лев Николаевич сказал:

— Куприн в слабого Ромашова вложил свои чувства.

— Корпусной командир — это Драгомиров, — сказал Сергей Львович.

Лев Николаевич согласился.

— Новый писатель пользуется старыми приемами, — сказал Лев Николаевич про Куприна. — Дает живое представление о военной жизни».

Л. Н. Толстой о Куприне. 9—12 октября 1905 года

«Во всяком жизненном материале есть своя основа, та характеристичность (прежде всего психологическая), которую не просто размыть внешними обстоятельствами. Известно, что гоголевский Манилов тоже значился русским офицером, но своим мечтательным „пареньем этаким“, воздушными постройками каменных мостов через пруд и т. д. он прославился не в полку, не на поле сражения, а в своей Маниловке. Подпоручика Ромашова одолевают уже в самом полку маниловские грезы, и вот была бы славная боеспособность полка, состои он сплошняком из таких нежнейших существ. Как ни тонки или благородны рассуждения Ромашова, а куда больше красоты в самом исполняемом военном деле: „...приемами против кавалерии Стельковский окончательно завоевал корпусного командира. Сам генерал указывал ему противника внезапными, быстрыми фразами: „Кавалерия справа, восемьсот шагов“, и Стельковский, не теряясь ни на секунду, сейчас же точно и спокойно останавливал роту, поворачивал ее к воображаемому противнику, скачущему карьером, смыкал, экономя время, взводы, — головной с колена, второй стоя, — назначал прицел, давал два или три воображаемых залпа и затем командовал: „На руку!“ — „Отлично, братцы! Спасибо, молодцы!“ — хвалил генерал“.

Как трудно распознать в людях истинно значительное и мелкое, а о военных людях особенно рискованно судить по ораторским качествам, — скромный, невидный Тушин совсем ступается в ораторском собрании, а между тем кто же будет спорить, что Тушины — соль русской земли. И поэтому было бы неосновательно говорить, что в полку все дураки, один юный подпоручик Ромашов прогрессист да еще философ-алкоголик Назанский мудрее всех».

М. Лобанов. «Мне все надо родное...» К 100-летию со дня рождения А. И. Куприна, 1970

«Всеми силами моей души я ненавижу годы моего детства и юности, годы корпуса, юнкерского училища и службы в полку. Обо всем, что я испытал и видел, я должен написать. И своим романом я вызову на поединок царскую армию. Конечно, единственный ответ, какого удостоится мой вызов, будет запрещение „Поединка“, он, наверно, никогда не выйдет в свет. А все-таки я напишу его».

М. К. Куприна-Иорданская. Годы молодости, 1907

«Немного времени я провел в военной службе, но вспоминаю ее с удовольствием. Как иногда встречаешь после многолетнего перерыва человека, которого помнил еще ребенком, и не веришь своим глазам, что он так вырос, так и на службе я не узнал ни солдат, ни офицеров. Где же офицеры моего „Поединка“? Все выросли, стали неузнаваемыми. В армию вошла новая, сильная струя, которая тесно связала солдата с офицером. Общее чувство долга, общая опасность и общие неудобства соединили их. То, чего добивались много лет, теперь совершилось».

У Куприна // Биржевые ведомости. — 1915. — 21 мая

«„Юнкера“ были ему дороги. Юнкер Александров, т. е. сам Куприн в молодости, доставлял Куприну-писателю много забот. Юнкер Александров был хорошим, но непокладистым мальчиком (опять неумный татарский нрав!), и Куприну было трудно и не похвалить свой прототип, и в то же время дать точный образ этого честного, доброго, прямого и типичного для своего училища юнкера. Куприн писал „Юнкера“ с любовью, тщательно останавливаясь на деталях уклада жизни, например на описании выхода юнкера в отпуск, осмотра его одежды, полонеза на балу в институте, уроков учителей, „звериады“ экзаменов, слов присяги.

— Я хотел бы, — сказал мне Куприн, — чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкеры, наша жизнь, обычаи, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. „Юнкера“ — это мое завещание русской молодежи».

Л. Арсеньева. О Куприне, 1959

Задание 3

Охарактеризуйте героев повести «Поединок». Согласны ли вы с характеристикой, какую дает купринским офицерам К. Паустовский? Сопоставьте образы офицеров, показанных в резко отрицательных тонах, и тех, кто обрисован с авторской симпатией (корпусной командир, капитан Стельковский, командир полка Шульгович, этот, по словам Толстого, «прекрасный положительный тип»).

В чем полярность подхода в размышлениях о «Поединке» К. Паустовского и критика М. Лобанова? Что имел в виду Лев Толстой, когда сказал, что «Куприн в слабого Ромашова вложил свои чувства»? Можно ли утверждать, что обостренный гуманизм Куприна в «Поединке» (например, сцена на подъездных путях, где встречаются Ромашов и готовый к самоубийству солдат Хлебников) восходит к его детским и юношеским переживаниям и впечатлениям? Как эволюционировали взгляды Куприна на офицерство и армию (на материале сопоставления повести «Поединок» и позднего (1928) романа «Юнкера»)? «Гранатовый браслет» (1911)

«Один из самых благоуханных и томительных рассказов о любви — и самых печальных — это купринский „Гранатовый браслет“.

Куприн говорил о „Гранатовом браслете“, что ничего более целомудренного он еще не писал. Это верно. У Куприна есть много тонких и превосходных рассказов о любви, о трагических исходах, о ее поэзии, тоске и вечной юности. Куприн всегда и всюду благословлял любовь. Он посылал „великое благословение всему: земле, водам, деревьям, цветам, небесным запахам, людям, зверям и вечной благодати и вечной красоте, заключенной в женщине“.

Характерно, что великая любовь поражает самого обыкновенного человека — гнущего спину за канцелярским столом — чиновника контрольной палаты Желткова.

Невозможно без тяжелого душевного волнения читать рассказ с его изумительно найденным рефреном „Да святится имя Твое!..“.

Особую силу „Гранатовому браслету“ придает то, что в нем любовь существует как неожиданный подарок — поэтический, озаряющий жизнь, среди обыденщины, среди трезвой реальности и устоявшегося быта».

К. Г. Паустовский. Поток жизни. Заметки о прозе Куприна, 1957

«Сейчас я занят тем, что полирую рассказ „Гранатовый браслет“. Это — помнишь? — история маленького телеграфного чиновника П. П. Жолтикова, который был так безнадежно, трогательно и самоотверженно влюблен в жену Любимова (Д<митрий> Н<иколаевич> — теперь губернатор в Вильне)... Лицо у него, застрелившегося (она ему велела даже не пробовать ее видеть), важное, глубокое, озаренное той таинственной мудростью, которую постигают только мертвые».

А. И. Куприн — Ф. Д. Батюшкову. Письмо от 15 октября 1910 г.

«В период между первым и вторым своим замужеством моя мать стала получать письма, автор которых, не называя себя и подчеркивая, что разница в социальном положении не позволяет ему рассчитывать на взаимность, изъяснялся в любви к ней. Письма эти долго сохранялись в моей семье, и я в юности читал их. Анонимный

влюбленный, как потом выяснилось — Желтый (в рассказе Желтков), писал, что он служит на телеграфе (у Куприна князь Шеин в шутку решает, что так писать может только какой-нибудь телеграфист), в одном письме он сообщал, что под видом полотера проник в квартиру моей матери, и описывал обстановку (у Куприна Шеин опять-таки в шутку рассказывает, как Желтков, переодевшись трубочистом и вымазавшись сажей, проникает в будуар княгини Веры). Тон посланий был то выпененный, то ворчливый. Он то сердился на мою мать, то благодарил ее, хоть она никак не реагировала на его изъяснения...

Вначале эти письма всех забавляли, но потом (они приходили чуть ли не каждый день в течение двух-трех лет) моя мать даже перестала их читать, и лишь моя бабка долго смеялась, открывая по утрам очередное послание влюбленного телеграфиста.

И вот произошла развязка: анонимный корреспондент прислал моей матери гранатовый браслет. Мой дядя <...> и отец, тогда бывший женихом моей матери, отправились к Желтому. Все это происходило не в черноморском городе, как у Куприна, а в Петербурге. Но Желтый, как и Желтков, жил действительно на шестом этаже. „Заплеванная лестница, — пишет Куприн, — пахла мышами, кошками, керосином и стиркой“ — все это соответствует слышанному мною от отца. Желтый ютился в убогой мансарде. Его застали за составлением очередного послания. Как и купринский Шеин, отец больше молчал во время объяснения, глядя „с недоумением и жадным, серьезным любопытством в лицо этого странного человека“. Отец рассказал мне, что он почувствовал в Желтом какую-то тайну, пламя подлинной беззаветной страсти. Дядя же, опять-таки как купринский Николай Николаевич, горячился, был без нужды резким. Желтый принял браслет и угрюмо обещал не писать больше моей матери. Этим все и кончилось. Во всяком случае, о дальнейшей судьбе его нам ничего не известно».

Л. Любимов. На чужбине, 1963

«— Я представляю себе П. П. Ж., — помолчав, продолжал Александр Иванович. — Я представляю себе, как мучительно напрягает он свои душевные силы, стараясь преодолеть малограмотность и отсутствие необходимых слов, чтобы выразить охватившее его большое чувство, и как стремится он уйти от своей убогой жизни в мечты о недостижимом счастье.

В юности, когда я был юнкером, нечто подобное испытал и я, когда долго хранил у себя случайно оброненный при выходе из театра носовой платок незнакомой мне женщины».

М. К. Куприна-Иорданская. Годы молодости, 1966

«— Я и до сих пор увлекаюсь... Уже „старик“, но продолжаю увлекаться и не стыжусь этого... — и Куприн читает мне стихи, которые вряд ли кто знает:

„Ты смешон с седыми волосами...“

— „Сильна, как смерть“, — говорю я. — Вы находились под влиянием Мопассана, когда писали эти стихи!

— Я находился под влиянием моей „старческой“ любви, — смеясь, отвечает Куприн.

Я запомнила эти стихи и, когда встречалась с Куприным, декламировала ему отрывки из них.

Однажды во время одной из наших обеденных встреч он спросил:

— У вас есть с собой бумага? Дайте мне листик.

— Зачем?

— Я напишу вам на память эти стихи.

Я вырвала из блокнота лист, и Куприн написал:

да
(от Т. И. Алексинской)
взвон с седыми волосами...
это я могу сказать?
любовь и смерть владеют нами?
тени их не избежать?

вскрою под учтивой маской
алую любовь мою,
как тебе забавной сказкой,
я спую веселую спую.

и опершись на подоконник,
ишь ты в душистый темный

идел: молод твой поклонник,
и он, и ловок, и богат.

скажут, что вы друг другу пара,
и вами только восемь лет.
для свадебного дара
я дам рубиновый браслет.

яю новой, светлой и пригожей,
ишь в довольстве и любви.
походит на тебя похожей,
ишь же, в кумовья зови.

войник! Я чувствую заранее:
таскова ко мне она.
те любовь не знает граней:
о — как смерть она сильна.

о на свете не узнает,
тами, каждый час и миг,
бви томится и сгорает
вый, почтительный старик.

да потоком жаркой лавы
зой перережет гневный рок,
бкой, точно для забавы,
отно лягу поперек.
ин».

Т. Алексинская. Встречи, 1954

«Существовала ли в действительности эта женщина? Не знаю. Куприн был человеком по-рыцарски целомудренным и никого не пускал в тайники души своей. О многом из прошлого он вообще не любил рассказывать, был временами скрытен. Но как странно — и в „Гранатовом браслете“, написанном еще в России, в период его большой славы, и в парижском стихотворении Куприна — одна и та же тема, один и тот же трагический лейтмотив: неразделенная, какая-то экзальтированная и возвышающая любовь к недоступной женщине».

А. Седых. Далекое, близкое, 1962

Задание 4

Как художественно преобразил Куприн реальную историю, услышанную им в семье высокопоставленного чиновника Любимова? Какие социальные преграды (и только ли они одни?) отодвигают любовь героя в сферу недоступной мечты? Можно ли сказать, что в «Гранатовом браслете» выразилась мечта самого Куприна об идеальном, неземном чувстве? Есть ли связь между гранатовым браслетом, который дарит герой рассказа Вере Шеиной, и «рубиновым браслетом» из позднего стихотворения Куприна «Навсегда»? Сопоставьте понимание любви в произведениях Куприна и Бунина (на материале купринской «Олеси», «Поединка», «Гранатового браслета» и бунинских рассказов «Солнечный удар» и «Чистый понедельник»). Что сближает и чем резко отличаются эти два писателя-ровесника в других компонентах творчества — обработке жизненного материала, степени метафоричности прозы, сюжетостроении, характере конфликтов? Согласны

ли вы с оценкой, какую дал Куприну известный пушкиновед и литературный критик Модест Гофман: «Быть может... самое ценное в Куприне —неожиданность его таланта, то, что не поддается никаким описаниям, никакой характеристике: кажется, Куприн говорит просто, не обдумывая и не взвешивая слова, не заботясь о том впечатлении, какое он производит на читателя, не заботясь о художественной картине, пишет так, как Бог ему на душу положит, — и впрямь Бог вкладывает в его уста простые, но нужные слова, и каким-то непонятным чудом, чудом стихийности, получается художественно верная и значительная картина, заражающая своей эмоциональной трепетностью и жизненностью.

В Куприне сильна непосредственность и не видно работы (из этого отнюдь не следует, что работа отсутствует в его творчестве), не видно, как сделаны его произведения. В этом отношении Куприн не был похож на своего, часто счастливого соперника — Бунина»?

М. Гофман. Русская литература в эмиграции, 1957